

С.К. Хойт
(г. Элиста, Россия)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЛМЫКОВ ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XVIII-XIX вв.

Статья является обзором этнографических и антропологических работ XVIII-XIX вв., содержащих сведения о внешнем облике волжских ойрат данного периода. Подавляющее большинство этих работ давно является библиографической редкостью. Несмотря на свою фрагментарность, по большей части описательный характер и в большинстве своем малые выборки, приведенные сведения говорят о монголоидности калмыцкого населения XVIII-XIX вв. в целом, и его неоднородности для этого периода по этнотерриториальным группам, что может указывать либо на недавние смешения, либо на более ранние различия, обусловившие антропологическую дифференциацию ойратских групп до этого периода. Данные, приведенные в этих работах, могут представлять интерес как для антропологов, так и для этнографов, историков и широкого круга читателей.

* * *

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 07-01-92006 а/Г)

Как известно, этногенез той или иной группы может рассматриваться с позиций истории, археологии, этнографии и антропологии. В идеале вопросы этногенеза, конечно, должны раскрываться посредством комплексного подхода, с привлечением данных из этих, а также других областей знания, однако на данный момент комплексный подход в подавляющем большинстве случаев является исключением, а не правилом. Что касается антропологии, то исследователями придается ей очень малое значение, гораздо меньшее, чем любой другой из вышеупомянутых дисциплин. Эта картина характерна для многих групп, и группы, составляющие современную ойратскую этническую общность, не являются исключением. Между тем, именно антропологические данные способны пролить свет на многие пока неясные моменты этногенеза современных ойрат.

Сравнение физического облика всех современных ойратских групп и их предков само по себе – довольно интересная вещь. Однако в изучении предков мы ограничены во времени лишь периодом, берущим начало с возникновения антропологии как дисциплины (более ранних археологических данных, полученных именно для ойрат нам неизвестно, а потому в данной статье о них не упоминается), а в пространстве лишь европейскими ойратскими группами, т.к. подавляющее большинство антропологических работ нам известно именно по ним. Кроме этого, знакомство с антропологическими работами, поми-

мо русского и английского языков (как стандарта для современного русскоязычного исследователя), требует владения немецким и французским языками, т.к. определенная часть работ по волжским ойратам (далее калмыкам, поскольку именно под этим именем они стали известны исследователям)¹, особенно для начального периода антропологии, существует именно на этих языках. Что же касается изучения всех современных ойратских групп, то тут мы ограничены финансовыми средствами, этим вечным камнем преткновения для большинства исследователей.

Работы, в которых содержится интересующая нас информация, с точки зрения количества данных по физической антропологии волжских ойрат неоднородны. Их можно разделить на 3 типа:

этнографические, либо смешанного характера;

антропологические, в которых данные по калмыкам даются лишь в качестве сравнительного материала,

антропологические, непосредственно посвященные калмыкам.

Данная статья является обзором работ XVIII-XIX вв., большая часть которых относится к первому типу. Помимо этнографических сведений, в них имеются описания внешнего облика калмыцкого населения того периода (иногда даже с этно-территориальной и родовой дифференциацией) и характера его адаптаций к среде. Что касается собственно антропологических работ, то они имеют довольно разный масштаб, сильно варьируясь в объемах выборок, этно-территориальной (улусной, субэтнической) принадлежности изучаемых групп (некоторые исследователи ограничиваются только указанием на то, что исследуемая группа калмыцкая, не указывая, какая именно), методах, а также времени и месте проведения исследования.

Для некоторых работ, авторы которых выходят за рамки изучения калмыков и делают выводы общего характера, представляющие интерес для физической антропологии в целом, в данном обзоре даются антропологические реминисценции общего характера. В некоторых текстах XVIII-XIX вв. имеются неполные ссылки авторов на другие работы, в этих случаях они приводятся как в источнике. Кроме этого, мы упоминаем о некоторых работах, на которые ссылаются те или иные авторы, но которых, к сожалению, в нашем распоряжении не оказалось. Также только упоминаются работы, к которым мы имели доступ, но не смогли ознакомиться в силу языкового барьера.

Понятно, что некоторые источники имеют для нас лишь историческую ценность. Однако их относительная немногочисленность и небольшой объем в них данных, представляющих для нас интерес, позволяет приводить эту информацию иногда практически полностью. Обзор дается в хронологическом порядке, как правило, по датам сбора материала (или времени исследования). В случаях же, если такая информация отсутствует, по датам публикаций.

По свидетельству М.Г. Левина (1937), «первые исследования по краниологии калмыков относятся еще к середине XVIII в., когда Фишер, Кампер, Блуменбах описали отдельные калмыцкие черепа в своих работах, положивших начало краниологическим исследованиям

вообще». Однако большую часть информации о калмыках XVIII-XIX вв. мы находим не у антропологов, а у других исследователей, посещавших Калмыцкую степь и оставивших в своих записках наряду с другими сведениями описания внешности калмыцкого населения.

Одно из первых описаний калмыков мы встречаем у П.С. Палласа (1773. Ч. 1, С. 455): «Калмыки почти все среднего роста, однако, больше низких, нежели высоких. Телом и лицом калмыки с природы еще нарочито белы, а по крайней мере все таковы малые дети.... Однако все имеют косые лузги (глаза) и брови, и короткий плоский нос... Что касается черных волос, с коим и младенцы у них рождаются, то не приметил я в том никакой отмены и подлинно не видал ни одного темнорусого калмыка».

Другой исследователь конца XVIII столетия И.Г. Георги (1799. Ч. 4, С. 9) писал о калмыках: «Калмыки росту средняго, рѣдко бываютъ высоки, по большей части сухощавы и статны. Лице у нихъ такъ плоское, что Калмыцкiй черепъ отъ всякаго другаго удобно разпознать можно. Глаза узки, и уголки у оныхъ гораздо плосковатѣе, нежели у Европейцовъ; губы толсты, носъ приплюснуть и малъ, подбородокъ коротокъ, борода жидкая и поздно высыпаетъ; зубы ровные и бѣлые; природный въ лицѣ цвѣтъ изъ красна смугл, живъ, но отъ воздуха и неопрятности перемѣняется, по большей части, въ смугло-желтый; уши оттопырились и весьма велики; волосы черные; ноги у всѣхъ у нихъ въ коляннѣхъ выгибисты, не по природѣ, но отъ сиденья, въ присядку, и отъ всегдашней верховой ѣзды. Осязаніе и вкусъ ихъ тупы, но обоняніе, зрѣніе и слухъ чрезвычайно остры. Женскiй полъ ихъ лицемъ таковъ же, какъ и мужескiй, ростомъ малъ, но кожа на лицѣ весьма тонка и, изъ бѣла, красна».

Миссионер Вениамин Бергман (Bergmans, 1804), издавший в начале XIX в. описание калмыков, отмечал, что они «отличаются крепкимъ, приземистымъ телосложениемъ и особенно замечательной большой головой».

В 1832 и 1833 гг. «по распоряженію Высшаго Начальства» в калмыцкіе улусы был откомандирован Н. Нефедьев. Наблюдая за жизнью и бытом калмыков, он собрал довольно подробные сведения этнографическаго характера. В разделе «Физическіе свойства» его записок говорится:

«Свойство безплодныхъ степей, въ коихъ онъ обитаетъ; солонгоркiя и то весьма рѣдкiя воды; нестерпимый зной во время лѣта, и мучительный холодъ зимою, противъ коихъ слабый изъ кошмы кровь служить единственною защитою; величайшая неопрятность въ содержаніи тѣла, и наконецъ пища, состоящая въ мясъ, большею частию не свѣжемъ – суть причины, которыя въ совокупности составляютъ, кажется, все, что только можетъ быть гибельнымъ для человека; но за всѣмъ тѣмъ Калмыки вообще наслаждаются весьма хорошимъ здоровьемъ. Кочевая жизнь съ младенчества сообщаетъ тѣлеснымъ силамъ ихъ особенную крѣпость, а врожденная безпечность, праздность и всегдашнее спокойствіе духа, дополняютъ средства къ достиженію глубокой старости. Прѣзжая почти всѣ улусы, я всюду находилъ большое коли-

чество стариковъ, изъ коихъ 70-ти и даже 80-ти лѣтъ, по наружности и твердости ихъ, кажутся не старѣе 50-ти или 60-ти лѣтъ. ...

Черты лица Калмыковъ имѣютъ весьма близкое сходство съ Китайскими или Манжурскими. Калмыки вообще черноволосы; имѣютъ узкіе черные глаза, большіе скулы, плоскій носъ и прекрасные бѣлые зубы. Цвѣтъ лица ихъ смуглый и все тѣло лишено бѣлизны, но сіе происходитъ не столько отъ природы, сколько отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и отъ вѣчнаго въ кибиткахъ ихъ дыма. За всѣмъ тѣмъ есть мужчины и женщины, которымъ самый разборчивый вкусъ не отказалъ бы въ своемъ вниманіи.

Зрѣніе ихъ, по привычкѣ ли всегдашняго созерцанія предметовъ на обширныхъ степныхъ равнинахъ, или по особенной организаціи, одарено рѣдкою быстротою, такъ, что когда обыкновенный глазъ только еще замѣчаетъ что нибудь въ отдаленности, Калмыкъ безошибочно объяснить подробности едва мелькающаго признака; но жаль, что дымъ, причиняя глазныя боли, вредитъ сей дальнорзости.

Крѣпость тѣлесная и силы даютъ Калмыкамъ большое преимущество предъ другими кочующими народами. Ростъ ихъ большею частію средній, станъ довольно стройный, и только искривленныя отъ верховой ѣзды ноги, измѣняютъ общей правильности въ фигурѣ. Тучные Калмыки встрѣчаются очень рѣдко, и то изъ сословія Гелюнговъ, упитанныхъ жертвами.

Борьба, заменяющая въ Калмыцкомъ народѣ рыцарскіе турниры, часто доставляетъ случаи видѣть необыкновенныхъ силачей, изъ которыхъ нѣкоторые пріобрѣтаютъ самое громкое во всѣхъ Монгольскихъ племенахъ имя: батырь, т. е. богатырь.

Въ доказательство необыкновенной силы Калмыковъ можно привести и то, что они, нанимаясь въ Астраханской губерніи для разъѣздовъ по Волжскимъ протокамъ, нерѣдко въ продолженіе цѣлыхъ дней, безъ отдохновенія и пищи, работаютъ веслами и, нечувствуя изнуренія, преодолеваютъ порывы вѣтровъ или быстроту теченія, будучи при томъ палимы солнцемъ и терзаемы безчисленнымъ множествомъ комаровъ. Труды сіи возбуждаютъ общее удивленіе, и многіе здѣсь, чтобы выразить твердость Калмыковъ, въ шуткахъ называютъ ихъ водяными лошадьми.

Но видя Калмыка идущаго пѣшкомъ, не мудрено подумать, что онъ только еще учится ходить: такъ неловка его походка, затрудняемая кривизною ногъ и неудобными сапогами. За то верхомъ на лошади, онъ гораздо тверже, нежели на ногахъ, и даже тотъ изъ нихъ, кто пьяный не сделаетъ шагу не упавши, никогда не свалится съ лошади, если его посадятъ на нее. Женщины ихъ въ наѣздничествѣ столь же искусны, какъ и мужчины» (Нефедьев, 1834. С. 125-132).

П.И. Небольсин, бывший, по-видимому, по долгу службы в 1850 г. в Оренбургском крае, и в 1851 г. в Астрахани, имел случай познакомиться с калмыками тех мест. Из Астрахани он попал в летнюю ставку Хошутского улуса на р. Ашулук, где пробыл около трех недель. Излагая в своих очерках увиденное, Небольсин (1852) отмечал:

«Калмыки, вообще говоря, народъ рослый и красивый. Типъ лица ихъ такъ общеизвестенъ, что распространяться о немъ нечего (Палласъ, Ueber die mong. Volk. Стр. 97 и слѣд.;

Reise durch verch. Prov. Th. I, S. 308 и 309); но нельзя не заметить, что весь Торгоуты, а особенно Ики-Цохуры, полнее тьлом, лицо у них чище, бьлье и румянье; Хошоуты же, и стройнее тьлосложением, но тонки, и какь вообще выражаются, жидковаты. Калмыки, по самой Волгь и в мочагахь обитающіе – народь приземистый и плотный, высокій рость у нихь рьдкость.

Невсегда должно предаваться первому впечатленію при видь Калмыка, поражающего наблюдателя темнокоричневымь цвьтомь кожи: беспрестанная бытность льтомь подь палящимь солнцемь можеть служить этому достаточнымь объясненіемь. Загар съ лица, съ рукь и всегда открытой шеи у Калмыка неуничтожимь; но надо взглянуть на дикаго сына степей въ его оригинальномь костюмь, на народныхь играхь, при борьбь, въ которой онь является предь взоры цьлаго народа едва прикрытымь короткими до колънь шальварами, чтобь полюбоваться превосходно-очерченными формами борца и матовой бьлизной его тьла» (Небольсин, 1852. С. 12).

В статье И.И. Мечникова (1876. С. 206) встречается упоминание о работе Г. Малиева, (Материалы для сравнительной антропологии (въ трудахь Казанскаго Общества Естествоиспытателей). Казань 1874, стр. 24), опубликовавшего результаты измерений 6 калмыцких черепов казанской коллекции, средняя горизонтальная окружность которых составляла 520 мм. «Г. Маліевъ не говоритъ однакоже, чтобы его черепа были весь мужескаго пола, всльдствие чего есть возможность предположить, что на его среднюю цифру повліяли меньшіе по размьрамь женскіе черепа. При всемь томь оказывается, что средняя горизонтальная окружность шести калмыцких череповъ г. Маліева значительно больше всьхь остальныхь измьренныхъ имь череповъ (за исключеніемь шведскаго, представляющагося громадными размьрами совсьмь выходящимь вонь изь ряду). Такь напр. для мужескихь русскихь череповъ г. Маліевъ даеть цифру 511, для татарскихь и хазарскихь – 509, для вотскихь – 513 и т. д.»

Там же (Мечников, 1876. С. 206) имеется ссылка на работу академика Бэра (Mmoires de Academie des Sciences de S. Petersbourg. T. VIII.) 1859 г. Это упоминание делается в связи с тем, что Бэр также измерял калмыцкие черепа, при этом «Горизонтальную окружность черепа онь нашель равной 588 м.м., т.е. на столько большой, что, цитируя эту цифру, Вейсбахъ нашель нужнымь снабдить ее вопросительнымь знакомь».

В английской сводке о калмыках (Korernicki, 1872), являющейся переводом работы русского автора Б. Лядова (Liadov, 1861), мы также встретили пункт «Физические свойства»:

«Любой из калмыков достаточен чтобы признать в нем образцового представителя монгольского типа. Они имеют средний рост, крепки (robust) и широки в плечах. Их кожа смуглая, лицо плоское, глазная щель узкая и oblique (наклонная, скошенная), нос depressed (низкий, вогнутый?), ноздри широкие, губы толстые, зубы белые и ровные, уши длинные и торчащие, волосы черные, и борода (растительность на лице) редкая» (Korernicki, 1872. P. 401).

Очерк И.И. Мечникова (1876), написанный в декабре 1875 г., был посвящен антропологическим особенностям монголоидной расы. Автор отмечает, что во второй пол.

XIX в. «Понятіе о расахъ вообще, и въ частности о монгольской, еще настолько не установилось, что подобное объясненіе необходимо для предупрежденія недоразумній». Упомянув о более 50 классификаціяхъ рода человеческого, существовавшихъ на данный период, онъ справедливо считает, что в основѣ антропологической (биологической, а не лингвистической или какой-либо иной) классификаціи должны лежать биологическіе (физическіе) признаки. Замечая, что антропологическимъ прототипомъ монголоидной расы должны служить собственно монгольскіе народы, Мечниковъ пишетъ «Съ цѣлью познакомиться съ монгольской расой въ вышесказанномъ смыслѣ, мною было приступлено къ антропологическому изслѣдованію волжскихъ калмыковъ». По всей вероятности, волжскіе калмыки были наиболее близкими и доступными автору представителями «монгольской расы».

Собственный матеріалъ Мечникова по калмыкамъ включалъ кранио-, кефало- и соматометрическіе данныя.

Краниологическая серия состояла изъ 20 мужскихъ череповъ изъ коллекціи Московскаго Общества Любителей Естествознанія, изъ которыхъ было 2 «монголо-бурятскихъ». Ихъ средняя окружность составляла 532 мм. Эту цифру онъ сравнилъ с аналогичными данными, полученными Малиевымъ (1874) – 520 мм и Бэрромъ (1859) – 588 мм, замечая при этомъ, что для 6 измеренныхъ Малиевымъ череповъ не указана половая принадлежность, вследствие чего на его среднюю могли повліять меньшіе по размерамъ женскіе черепа. В свою очередь горизонтальная окружность калмыцкихъ череповъ сравнивается имъ с данными Малиева, который «для мужескихъ русскихъ череповъ ... даетъ цифру 511, для татарскихъ и хазарскихъ – 509, для вотскихъ – 513».

Средняя емкость 20 исследованныхъ череповъ, которую онъ определилъ «посредствомъ наполненія просомъ» составляла 1498 «куб. цент.» (видимо куб. см – X.C.). Эта цифра сравнивается имъ с соответствующими показателями для другихъ группъ «добытыя по тому же способу Вейсбахомъ, Луце, Ланцетомъ, и Коперницкимъ».

1. Нѣмцы	1521, ⁶¹ (Вейсб.)	7. Великорос.	1471 (Линц.)
2. Поляки	1517, ¹² (Вейсб.)	8. Словаки	1467, ⁷⁸ (Вейсб.)
3. Русины	1515, ⁸⁶ (Вейсб.)	9. Турки	1461, ⁷⁸ (Вейсб.)
4. Кроаты	1499 (Вейсб.)	10. Чехи	1456, ¹ (Вейсб.)
5. Китайцы	1482, ⁵ (Луце)	11. Мадыяры	1437 (Вейсб.)
6. Румыны	1478 (Вейсб.)	12. Цыгане	1385 (Коперн.)

Кефалометрическіе результаты Мечникова показали, что средняя длина головы у 20 живыхъ калмыков-мужчин (этно-территориальная группа и возрастъ не указываются) – 246 мм, средняя горизонтальная окружность (через glabella) – 576 мм. Для сравненія «у турокъ горизонтальная окружность равняется 513 мм., у великороссовъ и румынъ – 511, у австрійскихъ нѣмцевъ – 519 (Вейсбахъ)».

Помимо антропометрическихъ признаковъ, Мечниковъ обращалъ вниманіе на морфологическіе признаки мягкихъ тканей лица и пигментацию. В частности, «во время своей вторичной экскурсіи по Калмыцкой степи (лѣтомъ 1874)» имъ отмечался фактъ уменьшенія выражен-

ности эпикантуса в старости: «Глазъ стараго Калмыка очень похожъ на глаза старыхъ Европейцевъ. Хотя въки такого глаза покрыты нерѣдко многочисленными складками, тѣмъ не менѣе характерная Монгольская складка уже успѣла сгладиться, а *sauncula* цѣликомъ, обнаружиться». Относительно пигментации кожи он пишет, что «Еще Георги и Палласъ заметили, что цвѣтъ лица Калмычекъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ Европейскаго, наблюдение; которое и я могу подтвердить съ своей стороны».

Средний рост (длина тела – в современной антропологии) 30 взрослых мужчин (этно-территориальная группа и возраст не указываются), составлял 1635 мм. Средний рост 10 измеренных им женщин (этно-территориальная группа и возраст не указываются) – 1508,5 мм. Сравнительные данные, приведенные Мечниковым, показывают, что средняя длина тела калмыков близка «австрийскимъ Румынамъ (1635), австрийскимъ Славянамъ (1634) и Мадьярамъ (1636)» по Бернштейну, и «Никобарцамъ и Китайцамъ (1631), по измерению путешественниковъ фрегата Новары» (*Reise der oesterreichischen Fregatte Nowara, Anthropometrischer Theil*).

«Половина роста у мужчинъ приходится какъ разъ на верхнемъ край *Symphysis pubis*, середина же пупка отстоитъ отъ земли на $\frac{3}{5}$ цѣлаго роста ... Длина нижней конечности, определенная разстояніемъ вертлуга отъ земли (по вертикальной линіи) оказалась (у 28 измеренныхъ калмыковъ) (само собою разумѣется, что для измереній были избраны вообще нормально развитые субъекты и исключались лица, имѣвшія искривленныя ноги) равной 831 мм». При этом половина роста, приходящаяся у калмыков на *pubis*, приходится на ту же точку у европейцев в 13 лет (*Anthropometrie. 1870, Стр. 226*). Средняя длина нижней конечности – 831 мм (для 28 мужчин) соответствует «всего болѣе, размамамъ двѣнадцати или тринадцатилѣтнихъ мальчиковъ – бельгійцевъ (по измереніямъ Кетле)». На основании полученных данных автор заключает, «1) что по тѣлосложенію калмыки отличаются отъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ представителей кавказской расы и 2) что отличія первыхъ соответствуютъ признакамъ молодыхъ возрастовъ последнихъ». В более поздней работе Воробьева указывается что А.А. Ивановский «не разделяетъ мнѣнія Мечникова, совершенно справедливо указывая, съ одной стороны, на недостаточную обоснованность самаго положенія Кетле о смѣщеніи съ возрастомъ относительнаго къ росту положенія верхняго края лоннаго сращенія; съ другой же стороны, г. Ивановскій указываетъ на то, что и по даннымъ самаго Мечникова у 55,17% всѣхъ калмыковъ высота лоннаго сращенія лежитъ выше половины роста и только въ 44,83% она ниже этой половины, въ среднемъ же высота лоннаго сращенія лежитъ, по даннымъ Мечникова, на 1,55 mm. выше половины роста; выводъ же Мечникова о совпаденіи ея съ полуростомъ основанъ на допущенной имъ въ подсчетъ технической ошибкѣ» (Воробьев, 1903. С. 17).

Выводы относительно телосложения калмыков Мечников распространяет на других представителей «монгольской расы», подтверждая их сведениями о гуннах (описанных Аммином Марцелином); амурских племенах, относимых обычно к «тунгусам» (описанных Равенштейном, путешествовавшим по Амуру); японцах (описанных доктором Моннке, жившем в Японии несколько лет (*Müller. Allgemeine Ethnographie. 1873. Стр. 336.*)). Далее он подтвержда-

ет их сравнительными данными по емкости черепов и заключает: «Калмыки ... отличаются сравнительно большой черепной емкостью, особенно если принять в соображение средней рост их. Другие народы чисто Монгольской расы представляют подобное же отношение ... соответственно тому, что представляет Кавказская раса в молодом возрасте».

Признаки, описывающие монголоидов в различных классификациях (эпикантус; небольшие высота и выступание носа; «большие оттопыренные уши и короткий подбородок»; черные, жесткие, прямые волосы на голове; слабое развитие третичного волосяного покрова; брахицефалия; относительно темная пигментация кожи), и выдвигавшиеся в различных классификациях на роль расодиагностических, не расцениваются автором как таковые, поскольку имеются как у монголоидов, так и европеоидов. Наличие всех их, за исключением нескольких (цвета, жесткости и прямого направления волос на голове, брахицефалии и относительно темной пигментации кожи), констатируется Мечниковым у детей европеоидов. «Убедившись в том, что дефинитивные признаки Монгольской расы всего более приближаются к свойствам детского возраста Кавказской, естественно было прийти к заключению, что при образовании первой замешалась так называемая остановка в развитии или что при образовании Кавказской расы был сделан шаг вперед против Монгольской». Пытаясь объяснить предложенную гипотезу, Мечников остановился на половой зрелости, «как на момент, могущем влиять на многие стороны организма вообще и на задержку или прогрессирование развития в частности», оговариваясь при этом, что исследования «с целью решения этого вопроса еще не дали определенного результата, что связано с недостатком прочных фактических данных о времени появления половой зрелости у различных народов и у одного и того же народа при разных условиях жизни».

В очерке И.В. Бентковского (1879) говорится о физическом воспитании детей калмыков Большедербетского улуса и ногайцев, кочевавших в Ставропольской губернии. В виду небольшого объема описания оно приводится почти полностью:

«Физическая их жизнь ... со дня рождения и до самой смерти постоянно находится под влиянием самых разнообразных перемен климата и температуры, начиная от 25° тепла и оканчивая морозом в 20°. При всем том, уход за кожей во все времена года бывает у них почти одинаковый.

Ребенка обмывают тотчас после рождения в теплой воде, в которую кладут немного соли, толченого ладану (Гючель накба) и куджи. Куджи – это благовонная курительная свечка, которую набожные и достаточные калмыки зажигают перед бурханами, как в своих кибитках, так и в хурулах или кумирнях. ... Для нас кажется немислимым купать ребенка только-что родившегося, хотя-бы и в теплой воде, зимою, в трескучий мороз, особенно в метель, когда и в кибитке все бывает больше или меньше покрыто снегом, и потому можем допустить, что калмыки в такое время делают только примесь омовения... Другое дело летом, в жаркий день; тогда и ребенка лучше обмывают и чаще купают. Когда у ребенка отпадет пуповина, то, чтобы рана скорее зажила, намазывают ее курдючным салом или свжым маслом – что случится под рукою. Если ребенок около шеи,

подъ мышками и между ног подопрывает, то мста эти засыпаютъ въ порошокъ превращенною сженною глиною, которую для того берутъ изъ-подъ тагана или, лучше сказать, изъ-подъ золы, гдѣ по срединѣ кибитки почти постоянно держать огонь.

Послѣ омовенія на ребенка надѣвають рубашку ... Совершенные-же бѣдняки заворачиваютъ новорожденнаго ребенка въ кусокъ нанки, коленика или-же старой тряпки, а затѣмъ – въ войлочекъ лѣтомъ, а зимою – въ молодую овчинку или курпей.

Пеленанія или ровнанія членовъ дѣтей послѣ рожденія у калмыковъ не принято; но замечаемое у многихъ калмыковъ искривленіе ногъ, происходитъ, по нашему, мнѣнію, отъ устройства колыбели и отъ способа нянчить дѣтей. ...

Дѣти начинаютъ сидѣть, ползать и ходить, смотря по времени рожденія, раньше или позже. Если эти акты человеческого возраста приходятся на лѣтніе мѣсяцы, то, понятно, и дѣти начинаютъ раньше сидѣть ползать и ходить. Зимою-же эти самостоятельныя дѣтскія движенія невозможны. Въ послѣднемъ случаѣ дѣти начинаютъ ходить въ возрастѣ; одного года и шести мѣсяцевъ. Вообще, эти способности развиваются въ дѣтяхъ сами-собою, безъ искусственнаго пріучиванія матерей, которымъ часто и не до того, да въ кибиткѣ и негдѣ этимъ упражняться. Природа въ этомъ отношеніи единственный учитель и помощникъ калмыцкихъ матерей. ...

Калмыки (богатые, конечно, во-всѣмъ и вездѣ составляютъ исключеніе) лѣтомъ не одѣвають своихъ дѣтей до 6, а иногда до 8 лѣтъ. Дѣвочки въ этомъ возрастѣ начинаютъ уже носить штаны (шалбурь), но рубашки считаются еще роскошью. Нагіе и почти нагіе дѣти бѣгаютъ и рѣзвятся лѣтомъ, а зимою, плохо одѣтые, прячутся какъ сурки въ родительскіе шубы, кошмы и во-что попало, или грѣются у пылающаго среди кибитки огня, въ ожиданіи какой-нибудь скудной трапезы и всего чаще будана. Вольныя – какъ широкая степь, рѣзвыя – какъ лѣтній вѣтерокъ, кроткія – какъ домашніе звѣрьки, калмыцкія дѣти, привыкнувъ съ самаго рожденія къ терпѣнію, легкой и удобоваримой пищѣ, ко всѣмъ переменамъ погоды и во всѣ времена года, переносятъ впослѣдствіи самыя рѣзкія атмосферическія крайности съ удивительнымъ терпѣніемъ и выносливостью».

Приводя примеры результатов «ultra-спартанской» системы калмыцкаго воспитанія, далее Бентковский отмечает:

«Вы рѣдко встрѣтите между ними индивидуумовъ съ широко-развитою грудью, что, несомнѣнно, происходитъ отъ того, что ребенокъ со дня рожденія и во всѣ періоды возраста, зимою, въ сильные морозы, одѣтый въ одну шубу, большею частію старую, невольно жметя, а это не можетъ способствовать свободному развитію грудной кости (видимо имеются въ виду кости грудной клетки – Х.С.). Отъ того между ними чахоточные не составляютъ рѣдкаго явленія.

Кожа номадовъ, подѣ влияніемъ такого воспитанія, принимаетъ свойство болѣе крѣпкое, чѣмъ наша, особенно на тѣхъ частяхъ тѣла, которыя у насъ всегда закрыты одеждою».

В монографіи Д.О. Ашиловой (1976) имеется упоминаніе о том, что сведения о калмыках описательнаго характера встречаются в сочиненіяхъ М.В. Певцова (1879. Кн. 1, С. 16) и

Н.М. Пржевальского (1883. С. 24). К сожалению, этих источников в нашем распоряжении не оказалось и потому, мы не можем судить о том, насколько полны были эти описания.

1883 г. датируются две французские работы о калмыках: Deniker, M. Sur les kalmouks du Jardin d'acclimatation. 1883 и Deniker, J. Étude sur les kalmouks. 1 suite, 1883. Судя по инициалам, эти работы принадлежат двум разным авторам. В обеих работах явно имеются сведения антропологического характера, но, к сожалению, незнание французского не дает возможности ознакомиться с ними. Упоминание о какой-то из них имеется в работе Ашиловой (1969). В частности там говорится о том, что в 1883 г. по инструкции (методике) Брока Деникером было произведено обследование 18-ти калмыков, прибывших в Париж. 1 ноября 1883 г., на заседании Парижского Антропологического общества по результатам исследования им был сделан доклад. Однако в силу незначительного числа исследованных, выводов Деникер не делал.

В сентябре 1884 г. немецкий антрополог Кольман исследовал по измерительной (лицо, голова и тело) и описательной программе калмыков Малодербетского улуса оказавшихся в Базеле (Kollmann, 1884). Ознакомиться с этой работой стало возможно после перевода большей ее части на русский язык добровольными помощниками – Марией Очир-Горяевой, Клаусом Виллем и Катариной Малек, которым автор данной статьи выражает глубокую признательность.

Кольман описывает калмыков как людей едва среднего роста (низкими), но с очень развитой мускулатурой, широкой и хорошо сложенной грудью, крепкими костями и тонкими сочленениями в щиколотках и запястьях. Движения, увиденные им в танце, были легкими, у женщин «не без грации». Небольшому росту соответствовали малые размеры рук и ног. Рисунки их контура по сравнению с руками европейских мужчин, показали различия не только в размерах, но и в других свойствах (Kollmann, 1884. Р. 626).

Рост (длина тела) измеренных людей представлены в таблице:

	средняя	максимум	минимум
9 мужчин	1487	1672	1465
4 женщины	1475	1587	1425

Кефалометрические результаты Кольмана показали, что кроме большинства короткоголовых форм у исследованных калмыков было 3 мезоцефала и 1 долихоцефал. Отмечая, что у типичных азиатов лоб прямой, он обнаружил у 3 индивидуумов выпуклую (изогнутую) форму лба, приходя к выводу, что у калмыков существуют разные формы черепов. Ширину лба он свел в таблицу, оговариваясь, что указанные максимумы и минимумы не являются абсолютно точными (Kollmann, 1884. Р. 632-633):

		средняя	максимум	минимум
ширина лба:	мужчины	111	115	104
	женщины	113	115	112

Форму лица Кольман оценил как широкую и низкую. Индекс лица указывает на хамепрозопию (*Chamaeprosopie*). Расстояния между скуловыми дугами (скуловая ширина) сведены им в таблицу:

	средняя	максимум	минимум
9 мужчин	142,5	154	138
4 женщины	138	143	134
в то время как высота лица			
у 9 мужчин	118	124	111
4 женщин	112	116	110

Расстояния между скуловыми дугами обуславливают как у мужчин, так и у женщин необычно широкие лица и соответствующие индексы лица. При этом мягкие ткани приносят лишь небольшую часть в этот индекс.

Спинка носа описывается Кольманом как широкая и глубоко вогнутая, у большинства характерных представителей нос был намечен только легким возвышением, а у детей почти совершенно отсутствовал. У женщин и детей это было выражено в большей степени, у мужчин спинка носа, по крайней мере, поднималась над плоскостью лица. Нижняя часть носа была непохожа на австралийскую, ее нельзя было назвать картофелеобразной и она не была загнута вверх. У нескольких индивидуумов встретилась форма носа, которую можно заметить у типов с (европейскими) длинными лицами. Например, у госпожи Бувы (*Buwa*) был тонкий орлиный нос, у Убуши (*Obuschet*) – прямой нос. Кольман заострял внимание на этих различиях.

Кости верхней и нижней челюсти описывались им как очень широкие. Скуловые кости представляли наиболее выдающиеся вперед точки после носа. Мягкие ткани лежали на скулах, таким образом, что к носу возникала только очень маленькая и незаметная возвышенность, поэтому лицо выглядело очень плоским. Отростки нижней челюсти были направлены наружу, *Musculus masseter* сильно развит, однако скуловые дуги находились на наибольшем расстоянии от средней линии лица. Прогнатия была редка, у большинства индивидуумов фиксировалась мезо- и ортогнатия; при этом зубные линии верхнего и нижнего ряда хорошо налагались. Зафиксирована хорошо заметная большая степень стертости коронок зуба. Наиболее стертые зубы были у низколицих, а наименее – у высоколицих. Рот имел небольшие размеры, губы не толстые, только тонких форм.

Глазная щель была небольших размеров и находилась не на горизонтальной линии, а под углом. Медиальная складка века, *Plica marginalis* наблюдалась у калмыков в различных степенях. Она имела даже у 4-хмесячного ребенка и в принципе встречалась у всех возрастов и полов. У пары индивидуумов она отсутствовала.

Расстояние между внутренними углами глаза, позволяющее определить ширину носа и *Processus nasalis ossis frontis*, было большим.

Расстояние между внутренними углами глаза:

	средняя	максимум	Минимум
9 мужчин	34,3	39	28
4 женщины	34,0	35	33

Ушная раковина описывалась как маленькая, хорошо оформленная, мочка маленькая (мало развита), а все остальные признаки хорошо выражены. Helix и Antihelix, Tragus и Antitragus грацильные не имели толстых (plumpen) форм.

Исследование лица в целом, как и отдельных частей, показывало в итоге очень большую схожесть (соответствие) форм. Исключения были немногочисленны и поэтому даже после длительного наблюдения преобладало впечатление, что все индивидуумы принадлежат одной расе, но как утверждает автор это не так, приводя в качестве аргумента наличие мезо- и долихоцефалических форм (Kollmann, 1884. P. 628-631).

Описательная программа Кольмана включала пигментацию радужки глаз, волос и кожи. Цвет глаз у большинства калмыков был темно-коричневый, очень глубокого тона. У одного мужчины (Mu Kurneef) были серые глаза. Этот цвет, на фоне большинства темноглазых индивидуумов Кольман толкует как свидетельство элементов других рас среди дэрбэт.

Цвет волос у большинства индивидуумов был черный, и если судить по 4-месячному ребенку он господствовал уже в самом раннем возрасте. Ни у взрослых, ни у детей не было обнаружено никаких темно-коричневых оттенков, но имели место светло-коричневые оттенки. У Irutschin мальчика 5 лет, Basan 1,5 года были светлокоричневые волосы, у 8-летней девочки Waran и у 9-месячного Santschi они тоже коричневые. У ламы Scharra Kodeef волосы были коричнево-черные, а борода светлая. Mu Kurneef имел черные волосы и светлую бороду. Светлые цвета волос рассматривались Кольманом как следствие перемещения чужих расовых элементов. Брови, как и волосы, описывались в большинстве своем как темные, тонкие и поднимающиеся высоко наверх. Волосы у молодых – очень мягкие, редкие и даже слегка завивающиеся, но позднее становящиеся толстыми, прямыми и упругими как у индейцев.

Кожа имела желто-красный оттенок и поэтому, слегка проглядывающая на лице краснота крови давала приятный свежий цвет (румянец? – X.C.). Особенно это было заметно у женщин. Кожа остального тела у калмыков была похожа цветом на кожу индейцев. Масштаб для цвета кожи давала 4-летняя девочка Бува (Buwe), у которой оттенок кожи был очень желтым как у индейцев. Кольман обращал внимание на неравномерность 19-и индивидуумов по этому критерию. У 3-х, явно более светлых, кожа имела настолько светлые оттенки, что была вполне сравнима с оттенками кожи европейцев (Kollmann, 1884. P. 626-628).

Описывая калмыков, Кольман приходит к следующим выводам:

1. Калмыки состоят из нескольких рас.
2. Короткие головы и широкие лица наблюдаются у большинства из них.

3. Господствующая у калмыков форма хамепрозопии отличается от европейской. Она может быть обозначена как азиатская форма. Кроме антропологии этот результат должен представлять некоторый интерес для этнологии и лингвистики, поскольку он позволяет понимать, что с приемом нескольких фрагментов рас в (одну) указанную этническую единицу могли и должны были иммигрировать также фрагменты языков, обычаев и представлений (мировоззрения).

В 1892 г. Петровским Обществом были опубликованы очерки И.А. Житецкого (1892),

который по инициативе и при содействии бывшего Главного попечителя калмыцкого народа Н.О. Осипова, провел «съ цѣлью собиранія хозяйственныхъ и этнографическихъ свѣдѣній лѣтніе мѣсяцы 1885 и 1886 г. среди астраханскихъ калмыковъ и посѣтилъ безъ исключенія всѣ улусы, а въ нѣкоторыхъ (какъ Яндыковский, Харахусовскій, Икицохуровскій и сѣверная часть Мало-Дербетовскаго) былъ по два и по три раза». В одном из этих очерков, посвященных в основном этнографическому и экономическому описанию калмыцкого населения, имеются сведения относительно локализации различных этнотерриториальных групп, описание их внешнего облика и других особенностей.

Так, там упоминается, что на конец XIX в. Калмыцкая степь была разбита на 8 улусов: 1) Малодербетовский, 2) Багацохуровский, 3) Харахусо-Эрдениевский (Харахусовский), 4) Икицохуровский, 5) Яндыковский, 6) Эркетеневский, 7) Хошеутовский (Александровский) и 8) Мочажный. «При этомъ первый улусъ есть представитель племени Дербетовъ, второй, третій, четвертый, пятый и шестой – племени Торгоуть и отчасти Зюнгарь и Хойтъ (въ Икицохуровскомъ улусѣ), седьмой – племени Хойтъ съ значительною примѣсью Торгоуть, и наконецъ восьмой – Мочажный – это конгломератъ всѣхъ племенъ и улусовъ. Центральная степь находится въ исключительномъ пользованіи Торгоутовъ, кромѣ части прибрежной къ Волгѣ, на югъ степи, занятой Хошеутовскимъ улусомъ, и сѣверо-западной части, занятой Зюнгарами и Хойтами; Дербеты занимаютъ Эргеневскую возвышенность, а Хошеуты заволжскія степи» (Житецкий, 1892. С. 21). Мочаги – озера, образовавшиеся от таяния снега, название юго-восточной части степи; черные, черневые земли или «черни» – часть Мочагов, где снега почти не бывает и земля остается черной (Воробьев, 1903). Говоря о границах улусов, Житецкий пишет, что «Хотя естественно-географическихъ и искусственно-топографическихъ границъ улусныя земли и не имѣютъ, но тѣмъ не менее населеніе ихъ строго опредѣляетъ по урочищамъ, и нарушеніе улусныхъ границъ дозволяется лишь обычаемъ во время бѣдствій: засухъ, мятелей и пр.; въ обыкновенное-же время вызываетъ споры, заканчивающіеся драками, или даже судебными процессами. Въ общемъ пользованіи всѣхъ калмыковъ въ центральной степи остаются только “черныя земли” степи и въ извѣстные періоды года прогонныя полосы для скота изъ другихъ улусовъ на эти степи» (Житецкий, 1892. С. 21).

Перечисляя этнические группы торгут, хошут, хойт, зүүнгар и дэрбэт, Житецкий почему-то путает хошутов и хойтов, ошибочно считая их одним целым. «Прежде другихъ захватило своими кочевьями степи Европейской Россіи Торгоутовское племя калмыковъ, затѣмъ прикочевало племя Хошеутовъ (Хойтъ), потомъ Зюнгарь и наконецъ Дербеть» (Житецкий, 1892. С. 20). «Астраханскіе калмыки въ моментъ своего появленія въ границахъ Европы распались на четыре этнографически-различныхъ группы: Торгоуты, Хойты (или Хошоуты), Зюнгары и Дербеты» (Житецкий, 1892. С. 34). По всей видимости, в заблуждение его ввело то, что хойты, пришедшие на запад позже других групп, не имели закрепленной территории и расселились малыми группами по другим улусам, что отразилось на приведенном выше составе их населения. При этом какая-то часть хойтов осталась в Хошутском улусе, в том числе, возможно и потому что линия владельцев Хошутского улуса стала хой-

тской по происхождению, после того, как ее основатель – хойт был усыновлен предыдущим хошутским владельцем. Добавим, что помимо этих улусов, часть хойтов вошла в состав донских калмыков.

Описывая внешний вид и другие особенности, Житецкий разделяет калмыков, но не по этническим группам, а по территории расселения, деля всю Калмыцкую степь правого берега Волги на 3 основных района: Центральную степь – «калмыки степные», Эргеневскую возвышенность – «калмыки Эргенские или “Дербетовские”» и Мочаги – «калмыки “черневые”»:

«Степной калмыкъ, въ массѣ, не выше средняго роста, съ черными волосами, мѣдно-краснымъ загаромъ лица и рукъ, съ замѣтно выгнутыми, отъ верховой ѣзды, ногами, съ черными живыми глазами, сидящими глубоко въ узкихъ впадинахъ глазныхъ щелей, съ рѣзко очерченными скулами, особенно у женщинъ, и съ суровымъ, даже мрачнымъ выраженіемъ лица. Степняки поражаютъ наблюдателя своимъ зрѣніемъ, слухомъ и развитыми вкусовыми ощущеніями: они, напримѣръ, способны различать предметы на десятки, даже на сотню верстъ, а цвѣта одежды, масть лошадей отличаютъ на такомъ разстояніи, на которомъ, при хорошемъ зрѣніи, едва можно опредѣлить предметъ. Не менѣе тонокъ и слухъ степнаго обитателя, который слышитъ лай собакъ тамъ, гдѣ поражаешься абсолютной тишиной пустыни. Но особенно обращаетъ вниманіе тонкость вкуса, или точнѣе – тонкость вкусовой наблюдательности ... въ случаяхъ необходимости опредѣлить мѣстонахожденіе въ степи въ темную ночь, – степняки ... если нѣтъ возможности опредѣлить мѣстность даже по характеру растеній, узнаютъ урочища по вкусу почвы... Эргенской калмыкъ въ большинствѣ выше степняка ростомъ, отличается большею стройностью и подвижностью, черты лица менѣе угловаты; не рѣдкость встретить между ними уже и большіе круглые глаза, попадаются лица и совершенно не монгольскаго типа, даже съ бѣлымъ цвѣтомъ лица, не мало индивидуумовъ съ густою бородою... Несравненно болѣе печальные результаты въ видоизмѣненіи этнологическихъ чертъ калмыковъ происходятъ на южной окраинѣ – въ Мочагахъ. Съ одной стороны природа “Черней”, предоставляющая калмыкамъ, вмѣсто мяса и молока, въ пищу рыбу и болотную или морскую воду, заставляющая ихъ дышать сырýmъ болотнымъ воздухомъ, съ другой стороны – напряженный и анти-гигіеническій трудъ рыболова или солелома, соприкосновеніе съ русскимъ рыболовно-рабочимъ классомъ, тягостная зависимость въ средствахъ отъ промышленника – все это въ совокупности накладываетъ особенный отпечатокъ на черневыхъ калмыковъ: населеніе здѣсь изнуренное, забитое, наполовину пораженное сифилисомъ и страдающее хроническими лихорадками. Тѣ немногія, сравнительно, наблюденія и по-кибиточныя регистраціи населенія, какія удалось произвести среди обитателей “черней”..., способны побудить констатировать тотъ фактъ, что черневое населеніе носить въ себѣ много признаковъ и задатковъ вымиранія. Только непрерывное пополненіе мочажнаго населенія приливомъ свѣжихъ, здоровыхъ степняковъ, дѣлаетъ фактъ вымиранія мало замѣтнымъ, особенно при полномъ отсутствіи какихъ-бы то ни было системныхъ статистическихъ данныхъ. ...въ “черняхъ” встрѣчаются уже нерѣдко калмыки русскаго, татарскаго и армянскаго типа, съ выпуклыми глазами, удлинненнымъ оваломъ лица, съ свѣтлыми волосами» (Житецкий, 1892. С. 32-33).

Житецкий предполагает, что различия (не только внешние) в описанных им особеннос-

тых групп, возможно были присущи калмыкам до их прихода на европейскую территорию. При этом он отмечает, что «последняя группа калмыков [дэрбэт], совпадая с теперешней группой эргенских калмыков, сохранила особенности не только во внешних чертах индивидуальностей, в привычках жизни и занятиях, но и в более устойчивых и глубоких оригинальностях типа в язык, в обычаи, в обстановку жилья и пр.; три же последние исторические группы – Торгоуты, Хойты и Зюнгары, которым пришлось жить два последние века при тождественных условиях природы, занятий и соседства, потеряли свои оригинальности и ассимилировались до безразличия, как в центральной степи, так и в чернях».

Констатируя факт начавшегося в среде астраханских калмыков распада народности на три этнографические группы, мы далеки от мысли утверждать, что это распад коснулось всех сторон типа. Напротив, мы видим, что большинство особенностей, которыми теперь разнятся калмыки степные, эргенские и черневые принадлежат к такому циклу этнографических признаков, которые прежде всего поддаются изменяющемуся влиянию жизненных условий – это занятия, пища, физические и нравственные черты, – особенности же более устойчивы, как язык, религия, семейно-бытовая жизнь, словесные произведения, обычаи и даже одежда – носят у всех трех групп общеплеменной характер, разнятся, по мьстностям, совпадающим с тремя географическими районами, лишь в немногих и несущественных деталях» (Житецкий, 1892. С. 34).

В докладе А.Н. Харузина (1890), дается подробное описание 2 черепов, принадлежащих волжским калмыкам, полученных им от некоего В.А. Плющевского-Плющика и переданных им в Антропологический Отдел Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 17 февраля 1890 г. Какие-либо более подробные сведения о происхождении этих черепов в сообщении отсутствуют. Без излишних подробностей их описания таковы:

«Череп №1, детский... брахицефаличен (84,21), низкий (67,83), низкоширокий (80,55), среднеширокозатылочный (75,00), с малым лобным указателем (62,50), с очень широким межглазничным пространством (оно составляет 36,36% лицевой линии, между тем как у 6 киргизских мужских черепов оно в среднем составляет только 30,05%), высокоорбитный (100,00), широкоскульный (56,70) и широколицый (47,82), широконосый (60,00), широколобный (91,42) и узкохребетный (76,92). Судя по всем этим признакам (за исключением узкохребетности, которая, по-видимому, не может считаться характерной) череп, о котором мы говорим, можно считать характерным представителем монгольской расы».

Череп №2 мужской и принадлежит старику... брахицефаличен (84,88), средних размеров и скорее клонится к размерам большим, чем к малым, низкий (70,93), низкоширокий (83,56), широкозатылочный (78,76), с очень малым лобным указателем (58,90), с довольно широким межглазничным пространством, которое составляет 30,30% лицевой линии, высокоорбитный (100,00), среднеширокоскульный (61,11), среднешироколицый (54,54) и широкохребетный. Основываясь на этом, мы должны и этот череп признать типичным представителем монгольской расы, хотя черты ее на этом черепе не так резко выражены, как на черепе №1» (Харузин, 1890. С. 120-122).

Помимо перечисленных выше работ, в более поздних статьях имеются ссылки на труд А.А. Ивановского «Монголы-торгоуты» 1893 г., которого к сожалению в нашем распоряжении не оказалось. По всей видимости, Ивановский посвятил ойратским группам не одну работу, упоминания о которых мы встречаем в старых публикациях. В статье М.Г. Левина и Т.А. Трофимовой (1937) имеется указание на то, что Ивановским приводится подробная библиография краниологии калмыков, кроме того, ему принадлежит также исследование многочисленной серии калмыцких черепов. Какая-то часть результатов работ Ивановского, в том числе работы 1893 г., приводится Воробьевым (1903), который использовал данные разных авторов в качестве сравнительных. Помимо данных Ивановского, Воробьев использовал данные по калмыкам Эркерта, о работах которого нам также известно мало. Результаты морфометрии Эркерта и Ивановского, сведенные Воробьевым (1903. С. 12), выглядят следующим образом:

Измѣренія и соотношенія	9 кавказск. калмыковъ (Эркертъ)	12 масокъ донскихъ калмыковъ (Ивановскій)	73 тарбагат. торгоутовъ (Ивановскій)
Ростъ	1620	—	1633
Величина головы	—	—	227,4
Высота надъ поломъ <i>acromion'a</i>	—	—	1339
Пупка	—	—	977
лоннаго сращенія	—	—	823
			(50,34%)
Наиб. продольн. діам. головы	189	—	188,1
Наиб. поперечный	156	—	159,1
Наименьшій лобный	—	125,3	118,9
Наиб. ширина лица	149,8	159,5	158,5
Длина лица отъ корня носа	—	124,5	134,6
Длина носа	52,8	56,3	68,0
Ширина носа	39,1	41,5	41,0
Горизонт. окружн. головы	—	—	573,8
Показатели: головной	82,5	—	84,68
носовой	74,05	73,90	60,46
лицевой	—	—	84,93
Длина уха	70,78	70,05	67,11
Ширина уха	—	—	—

«... мои наблюденія дали для калмыковъ указатель въ 83_{,05}, т.-е. настоящую брахицефалию; тарбагатайскіе торгоуты, по наблюденіямъ г. Ивановскаго, еще брахицефаличнѣе (84_{,68}); наблюденія другихъ авторовъ дали для калмыковъ нѣсколько меньшія цифры. Фактъ этотъ не вполнѣ, однако, на мой взглядъ, случаенъ и можетъ быть объясненъ тѣмъ, что калмыки, хотя въ общемъ и брахицефальны, подобно другимъ монголамъ, но среди нихъ встрѣчается много субъектовъ и съ малыми величинами головнаго указателя, т.-е. типъ ихъ головы менѣе выдержанъ, такъ что, при незначительномъ числѣ наблюденій, легко можно получить такіе ряды, гдѣ невыдержанныя (смѣшанныя) формы оказываются въ большинствѣ. Особенно замѣтна разница въ этомъ отношеніи между тарбагатайскими торгоутами и приволжскими калмыками въ томъ случаѣ, если мы сравнимъ предѣлы индивидуальныхъ колебаній величинъ указателей (у калмыковъ 76_{,24}–88_{,82}, а у тарбаг. торгоутовъ – 81_{,34}–89_{,88}; между послѣдними нѣтъ

ни одного даже мезоцефала, тогда как у приволжских калмыков я мог отмѣтить 1-го субдолихоцефала и 7 мезоцефаловъ) (Воробьев, 1903. С. 12-13).

«Форма глазъ калмыковъ характеризуется замѣтно косымъ прорѣзомъ глазной щели и “монгольской складкою” (epusanthus). Относительно послѣдней надо сказать; что она, согласно тому, какъ это отмѣчаютъ и другіе изслѣдователи монгольскихъ племенъ, наиболее характерно выражена у дѣтей и у молодыхъ субъектовъ, къ старости же сглаживается и даже исчезаетъ совершенно (Мечниковъ, Ивановскій и др.). Произведенный мною подсчетъ на 200 особяхъ привелъ меня къ результатамъ, болѣе согласующимся съ наблюденіями г. Ивановскаго, чѣмъ съ заявленіями г. Мечникова, а именно – монгольская складка исчезаетъ не въ старости, но замѣтно убываетъ уже и въ среднихъ лѣтахъ. У взрослыхъ калмыковъ, въ возрастъ 20-30 лѣтъ, я могъ ее отмѣтить въ 85% всѣхъ наблюденій, въ возрастъ 30-35 – уже въ 60%, а въ возрастъ отъ 40 лѣтъ и выше – всего въ 10-15% (отъ 45 лѣтъ и выше я ее почти не встрѣчалъ совсѣмъ)» (Воробьев, 1903. С. 10).

«... г. Ивановскій, наблюдатель безспорно опытный, обращавшій къ тому же свое вниманіе на наружное ухо, ничего не говоритъ о дурномъ развитіи завитка у торгоутовъ Тарбагатайской области. За-то г. Ивановскій отмѣтилъ у тарбагатайскихъ торгоутовъ другую особенность уха, а именно переходъ мочки въ кожу щеки подъ острымъ угломъ (приращеніе мочки фор. I по схемъ Schwalbe), считая эту особенность характерною для монгольскаго уха. Мои личныя наблюденія надъ калмыками (50,9% такой формы), равно какъ и наблюденія гг. Луценко и Сапожникова надъ теленгетами и бурятами вполнѣ подтверждаютъ справедливость взгляда г. Ивановскаго» (Воробьев, 1903. С. 11-12).

«Относительно роста тарбагатайскихъ торгоутовъ г. Ивановскій говоритъ, что ростъ ихъ замѣтно разнится по родамъ: существуютъ торгоутскіе роды низкорослые и высокорослые. ... Мэркетовъ родъ (1679 мм – Х.С.) представленъ столь небольшимъ числомъ наблюденій (4 чел. – Х.С.), что среднее для него не стоило бы и приводить, если бы здѣсь не имѣлъ мѣста тотъ знаменательный фактъ, что, при уходѣ части калмыковъ въ Азію, Мэркетовъ родъ раздѣлился, и часть его, откочевавшая въ Азію, оказывается, по изслѣдованіямъ г. Ивановскаго, также высокорослою (1679 mm.). Другимъ такимъ же раздѣлившимся родомъ, представители котораго попадаютъ и у г. Ивановскаго, и у меня, является Баруновъ родъ, по даннымъ г. Ивановскаго не высокорослый (1593 mm.); не очень великъ ростъ его представителей (7 чел. – Х.С.), измѣренныхъ и мною (1656), хотя все же выше, чѣмъ у г. Ивановскаго. Тутъ могла играть, конечно, роль и случайность малыхъ у меня чиселъ наблюденій, но возможно, конечно, и такое предположеніе, что условія, повліявшія на повышеніе роста всѣхъ приволжскихъ калмыковъ (вѣроятно, метисація съ русскими), повліяла на повышеніе роста и представителей отдѣльныхъ родовъ» (Воробьев, 1903. С. 13-14).

В связи с гипотезой Мечникова Воробьев привел данные Ивановскаго о соотношении Symphysis pubis и роста, а также величины головы по отношению к росту у тарбагатайскихъ торгоутов. Так «у нихъ верхній край лоннаго сращенія составляетъ 50,34% роста. ... данныя относительно величины головы въ вертикальной проекціи, составляющей у калмыковъ, по моимъ измѣреніямъ, 14,07% роста, по Мечникову – даже 15,45% у торгоутовъ она составляетъ,

по Ивановскому, 13,92%, между тем как у великоруссов по измѣреніямъ, произведеннымъ г. Рождественскимъ на большомъ матеріалѣ, она характеризуется значительно меньшей величиной, а именно 12,71% роста» (Воробьев, 1903. С. 17-18).

Итак, насколько можно судить по приведенным данным, антропологические работы по европейским ойратам, начавшись в середине XVIII в., с западноевропейских краниологических работ, ограничивавшихся простым описанием черепов, до середины XIX в. представляли собой большей частью краткие описания сделанные тем или иным ученым или чиновником, которые наряду с другими данными (об обычаях, верованиях, быте, хозяйстве и пр.) составляли общую справку по волжским ойратам. Со второй половины XIX в., точнее с 1863 г., когда при Московском университете было создано Общество любителей естествознания (Ашилова, 1976), одним из основных направлений которого были исследования антропологической тематики, работы по волжским ойратам пополнились российскими антропологическими исследованиями. Однако, как и описания западноевропейских авторов, эти работы основывались на небольших выборках и по этой причине, а также из-за несовершенства методик, данные, содержащиеся в них, в большинстве случаев невозможно сравнить с современными. Необходимо отметить, что на период до XX в. эти особенности были характерны не только для краниологических работ.

Описания исследователей XVIII-XIX вв. содержат фрагментарную информацию о внешнем облике калмыков и более или менее сходны друг с другом. Они рисуют нам средний тип, как невысокого, сухощавого, статного человека, с хорошо развитой мускулатурой, крупной головой, и, как правило, искривленными О-образными ногами. Он имеет прямые жесткие черные волосы, редкую растительность на лице и, в общем, смуглую кожу. Лицо этого человека в среднем круглое и плоское, глазная щель узкая, и находится под наклоном, нос невысокий, губы, как правило, толстые, зубы ровные и белые. Некоторые описания добавляют широкие плечи и оттопыренные уши. Таков по свидетельствам современников усредненный портрет калмыка XVIII-XIX вв.

Некоторые описания не сходятся в отдельных признаках. Так, в то время как Бентковский (1879) пишет о том, что индивиды с «широко-развитою» грудью редки, Kopernicki (1872) и Kollmann (1884) упоминают о широких плечах и широкой и хорошо сложенной груди, а Нефедьев (1834) о турнирах, на которых часто можно видеть «необыкновенных силачей». В то время как большинство авторов указывает на смуглый цвет кожи, часть их говорит о светлых ее оттенках «Телом и лицом калмыки с природы еще нарочито белы» (Паллас, 1773), «кожа на лицѣ [у женщин] весьма тонка и, изъ бѣла, красна» (Георги, 1799), «Еще Георги и Палласъ заметили, что цвѣтъ лица Калмычекъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ Европейскаго, наблюдение; которое и я могу подтвердить съ своей стороны» (Мечников, 1876). При этом Нефедьев (1834) уточняет «все тѣло лишено бѣлизны, но сіе происходит не столько отъ природы, сколько отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и отъ вѣчнаго въ кибиткахъ ихъ дыма». Примерно то же самое говорит Небольсин (1852): «Загаръ съ лица, съ рукъ и всегда открытой шеи у Калмыка неуничтожимъ; но надо взглянуть на дикаго сына степей въ его оригиналь-

номъ костюмъ, на народныхъ играхъ, при борьбѣ, въ которой онъ является предъ взоры цѣлаго народа едва прикрытымъ короткими до колѣнъ шальварами, чтобъ полюбоваться превосходно-очерченными формами борца и матовой бѣлизной его тѣла». В то время как Георги (1799) и Корениcki (1872) пишут о толстых губах, Kollmann (1884) отмечает губы только тонких форм. В целом же, несмотря на определенные различия в описаниях, общий тип, очерченный выше, вырисовывается все же достаточно четко.

Помимо морфологических особенностей некоторые авторы фиксировали характер адаптаций к среде. Калмыки XVIII-XIX вв. являлись довольно специализированными кочевниками-скотоводами, что отражалось не только на особенностях хозяйственной и прочей жизни, но и на некоторых физических свойствах. Так в частности отмечается, что калмыки с момента рождения были приспособлены к весьма жестким «ultra-спартанским» условиям (Бентковский, 1879) и обладали весьма развитыми органами чувств (зрением, слухом и «тонкостью вкусовой наблюдательности»), намного превосходящими таковые у авторов заметок (Нефедьев, 1834; Житецкий, 1892). Справедливости ради, надо отметить, что и в этих данных имеются некоторые расхождения: «Осязаніе и вкусъ ихъ тупы, но обоняніе, зрѣніе и слухъ чрезвычайно остры» (Георги, 1799).

Ответить на вопрос какими же были ойраты мы можем более-менее определенно только в пределах имеющихся у нас свидетельств. Человек, прежде всего как биологическое существо, пластичен. Если рассматривать современных калмыков и калмыков XVIII-XIX вв., то по многим признакам облик калмыков того периода отличается от облика современных калмыков.

Например, современные калмыки по сравнению с калмыками XVIII-XIX вв. обладают гораздо большим спектром конституциональных типов, что может объясняться как урбанизацией значительной, если не большей части современного калмыцкого населения, так и относительно недавней его метисацией с окружающими группами.

Наиболее яркий и наглядный признак, иллюстрирующий различия – длина тела. Она заметно варьирует у современных калмыков, в то время как калмыки XVIII-XIX вв. по свидетельствам современников большим ростом не отличались. Антропологи фиксировали средние величины в:

1635 мм у 30 мужчин и 1508,5 мм у 10 женщин (этно-территориальная группа не указывается – Мечников, 1876),

1487 мм у 9 мужчин и 1475 мм у 4 женщин (калмыки Малодербетовского улуса – Kollmann, 1884),

1620 мм 9 человек (пол не указывается, кавказские калмыки – Эркерт, цит. по Воробьеву, 1903),

1633 мм у 73 человек (пол не указывается, тарбагатайские торгуты – Ивановский, 1893, цит. по Воробьеву, 1903).

Несмотря в основном на небольшие выборки, мы видим, что зафиксированная во второй пол. XIX в. длина тела для разных этно-территориальных групп невысока относительно современной, что помимо вышеприведенных причин, может быть объяснено скачками эпо-

хальной изменчивости популяций человека. Средние величины длины тела того периода, приводимые Мечниковым (1876) для австрийских румын – 1635 мм, австрийских славян – 1634 мм, мадьяр – 1636 мм, никобарцев и китайцев – 1631 мм, вполне сравнимы с калмыцкими и наверняка сильно отличаются от средних для тех же групп в наши дни.

В виду отсутствия специальных работ в данный момент трудно вычленить удельный вес каждого из перечисленных факторов в сложении различий между современными калмыками и их предками XVIII-XIX вв., но в любом случае отрицать этих факторов нельзя.

Если отбросить относительно быстро изменяющиеся конституциональные признаки, в том числе и длину тела, в значительной мере зависящие от среды, и рассматривать исключительно расодиагностические, возможно также имеющие экологическую составляющую, но изменяющиеся в несмешивающейся популяции не так быстро, то следует отметить, что исследователями автоматически подразумевается монголоидность предков современных калмыков.

В силу слабого взаимодействия антропологов с исследователями других направлений, по поводу облика калмыков в калмыковедении и шире в монголоведении на сегодняшний день существует лишь одно мнение, согласно которому антропологический облик калмыков существенно не изменялся и «Влившись в состав калмыков тюркские, горские и славянские элементы не оказали сколько-нибудь заметного влияния на антропологические особенности калмыцкого населения» (Эрдниев, 1985, С. 65). Однако это мнение нуждается в существенных уточнениях.

В работе Ашиловой (1976), а также в различных справочных и энциклопедических изданиях калмыки называются представителями центральноазиатского типа монголоидной расы. При этом, как правило, не учитываются другие работы советского периода (Чебоксаров, 1935; Левин М.Г., Трофимова, 1937), показавшие антропологическую неоднородность калмыцкого населения в различных этно-территориальных группах и выделявшие среди калмыков помимо центральноазиатского и другие типы.

Как правило, этногенез большинства этнических общностей это длинный и извилистый путь. Рассуждая чисто теоретически и учитывая то, что современные калмыки, а также калмыки XVIII-XIX вв. по крайней мере, в пределах рас первого порядка, по современным классификациям, являются монголоидами, логично предположить, что все или, по крайней мере, большая часть предков современных европейских ойрат (калмыков) являлись таковыми изначально. Продолжая это рассуждение, мы должны определиться с точкой отсчета этого «изначально». Поскольку мы не располагаем данными об антропологическом облике именно ойратских групп на период ранее XVIII в. (учитывая то, что писаную историю ойрат как этнической общности можно отсчитывать, по крайней мере, с XIII в.), наше «изначально» лежит где-то в неопределенном периоде до XVIII в.

Таким образом, не имея однозначных свидетельств об «изначальном» антропологическом облике ойрат, а также не имея возможности выставить точку отсчета для этого «изначально», мы можем лишь с большой долей вероятности предполагать монголоидность в пределах рас первого порядка предков большинства ойрат в период предшествовавший XVIII в.

К соображению об изначальной монголоидности, мы должны добавить соображение о сложности этногенеза ойратских групп, отраженной в письменных источниках разных периодов. Известно, что в период с XVII в., западная ветвь ойрат, сталкивалась и контактировала с различными саяно-алтайскими и среднеазиатскими тюрками, кавказскими, славянскими и другими группами, европеоидность которых по мере продвижения ойрат на запад, возрастала. Так как при этом зачастую в состав ойратских групп включались отдельные индивидуумы и целые группы, которые впоследствии были полностью обойрачены, мы можем говорить о немонголоидном происхождении какой-то части современных ойрат.

Практически все приведенные в этой статье этнографические и собственно антропологические работы фиксируют, конечно же, монголоидные особенности калмыцкого населения. Однако, следует особо отметить, что в тех работах, где имеются данные с улусной или родовой дифференциацией, отмечаются заметные различия. Так, например Небольсин (1852) пишет «нельзя не заметить, что всъ Торгоуты, а особенно Ики-Цохуры, полные тьлом, лицо у них чище, блье и румяне; Хошоуты же, и стройные тьлосложениемъ, но тонки, и какъ вообще выражаются, жидковаты». Kollmann (1884) описывая калмыков Малодербетского улуса, отмечает светлые оттенки волос, глаз и кожи, отличающиеся формы носа и наличие мезо- и долихоцефалов. Житецкий (1892) деля калмыков на 3 территориальные группы, отличает дэрбэт от других групп большим ростом, большей шириной глазной щели, иногда лицами «совершенно не монгольского типа», с белым цветом лица и густой бородою. Совершенно закономерно встает вопрос о причинах этих различий. Если отбросить причины, зависящие от наблюдателя и условий наблюдения, такие как незначительность выборок, разные условия, в которых авторы могли обращать внимание на разные вещи и т.п., можно выделить несколько на наш взгляд основных:

- 1) изначальная неоднородность групп на разных иерархических уровнях (улусы, отоги и т.д.) вследствие происхождения от разных предков;
- 2) недавняя метисация, неравная в разных улусах по масштабу и по количеству контактировавших этнических групп;
- 3) все факторы вместе.

1) Об изначальной неоднородности писал еще Kollmann (1884), который на примере дэрбэт приходил к выводу, что калмыки состоят из нескольких рас. Житецкий (1892) считал, что различия в описанных им особенностях групп, возможно были присущи калмыкам до их прихода на европейскую территорию. К этому надо добавить тот факт, что Ивановский (1893), описывая тарбагатайских торгутов зафиксировал заметные различия в росте между различными родами. Этот факт можно было бы не принимать во внимание из-за ничтожности родовых выборок, но такие же различия у тех же родов (правда также на немногочисленных выборках) были зафиксированы Воробьевым (1903) и на европейской территории.

2) Относительно недавней метисации, тот же Житецкий (1892) прямо указывает для мочажных калмыков на недавнюю метисацию с русскими, татарами и армянами. Помимо

него на основе сравнения своих результатов по калмыкам и результатов Ивановского по тарбагайским торгутам, тезис о недавней метисации европейских групп ойрат по сравнению с азиатскими выдвигал Воробьев (1903. С. 13): «130 лтъь тому назадъ тарбагатайскіе торгоуты и астраханскіе калмыки составляли одно и то же племя; если допустить даже, что головной указатель можетъ мѣняться подѣ вліяніемъ внѣшнихъ условій, то для этого нужно время, во всякомъ случаѣ болѣе продолжительное. Отсюда возможенъ единственный выводъ: различія въ формахъ головы у этихъ двухъ вѣтвей одного и того же племени въ столь короткій срокъ могли произойти единственно путемъ метисаціи». При этом, однако, им не учитывается тот факт, что исследованные калмыки, улусную принадлежность которых он не фиксировал, могли быть не торгутами и в силу этого факта исходно отличаться от групп исследованных Ивановским. Метисация XVIII-XIX вв. для XXI в. уже история. Из наиболее близких нашему времени фактов следует упомянуть многочисленные случаи смешанных браков в 70-80 гг. XX в., которые однако вряд ли носили улусный характер, и скорее влияли на изменение облика калмыков в целом.

3) В силу скудности материала мы не имеем возможности говорить категорично о преобладании более ранних (древних) или более поздних различий. Наиболее вероятно, что причина неоднородности на разных иерархических уровнях, и прежде всего на уровне улусов, лежит в том, что группы, составляющие эти улусы, до XVII-XVIII вв. имели различные пути сложения. На эту причину могла наложиться и скорее всего наложилась поздняя (XVIII-XIX вв.) и позднейшая (XX в.) метисация неравномерная в разных улусах по масштабам и по спектру этнических групп находившихся в контакте с калмыками. Но, по всей видимости, она не оказала сильного влияния на уже сложившиеся различия, т.к. бóльшая европеоидность дэрбэт по сравнению с торгутами фиксировалась не только в XIX, но и в XX в.²

Таким образом, приведенные нами данные, несмотря на свою фрагментарность, по большей части описательный характер и в большинстве своем малые выборки, говорят о монголоидности калмыцкого населения XVIII-XIX вв. в целом и его неоднородности для этого периода по этнотерриториальным группам, что может указывать либо на недавние смешения, либо на более ранние различия, обусловившие антропологическую дифференциацию ойратских групп до этого периода. В силу того, что авторы как XIX, так и XX вв. устойчиво указывают на бóльшую европеоидность дэрбэт, наиболее вероятно, что бóльший вклад в антропологическую дифференциацию европейских ойратских групп внесли именно ранние различия.

Литература

Ашилова Д.О. К истории изучения антропологии калмыков // Ученые записки. Выпуск 8. Серия истории. Элиста, 1969.

Ашилова Д.О. Этническая антропология калмыков (соматологическое исследование). Элиста: Калм. кн. изд-во. 1976.

Бентковский И.В. О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии // *Ставропольские губернские ведомости*. – 1879. – №9. – С. 1-2; №10. – С. 2.

Воробьев В.В. Астраханские калмыки // *Русский антропологический журнал*. 1903. №1. С. 1-22.

Георги И.Г. Описание всѣхъ, обитающихъ въ российскомъ государствѣ, народовъ и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновений, одеждъ, жилищъ, Вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей. Часть четвертая о народахъ монгольскихъ, объ армянахъ, грузинахъ, индійцахъ, немцахъ, полякахъ и о владычествующихъ россиянахъ, съ описаниемъ всѣхъ именованій козаковъ, такъ же История о Малой Россіи и купно о Курландіи и Литвѣ. Въ Санктъ-Петербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

Житецкий И.А. Астраханские калмыки. Наблюдения и заметки: В 2-х очерках. Астрахань, 1892.

Ивановский А.А. Монголы-торгоуты // *ИОЛЕАЭ*. 1893. Т. XXI. Тр. А.О., XIII, [цит. по Воробьев, 1903; Левин, 1937].

Левин М.Г., Трофимова Т.А. Калмыки. Краниологический очерк // *Антропологический журнал*, Москва, 1937. №1.

Мечников И.И. Антропологический очерк калмыков как представителей монгольской расы // *Тр. Антр. Отд. Т. II. Кн. 1 (Изв. Имп. общества Любителей Антроп. и Естествозн. Т. 20, 1876. С. 205-211)*.

Небольсин П.И. Очерки быта калмыковъ хошоутовскаго улуса, составленные Павломъ Небольсинымъ. СанктПетербургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1852.

Нефедьев Н. Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ собранныя на мѣсть Н. Нефедьевымъ. СпБ, печатано въ типографіи Карла Крайя. 1834.

Паллас П.С. Путешествие по разнымъ провинціямъ Российской имперіи, СПб., 1773. Ч. 1. С. 455. [цитировано по Ашилова, 1969; Ашилова, 1976].

Певцов М.В. Путевые очерки Чжунгаріи // *Записки Западно-Сибирскаго отдела императорскаго русскаго географическаго общества*. Омск, 1879. Кн.1. С. 16. [цитировано по Ашилова, 1976].

Пржевальскій Н.М. Третье путешествие в Центральную Азію. СПб., 1883. С. 24. [цитировано по Ашилова, 1976].

Харузин А.Н. Два калмыцкихъ черепа // *Тр. Антр. Отд. XII (Изв. Л. Дневник, XVIII, IV)*. 1890. С. 117-124.

Чебоксаров Н.Н. Калмыки западнаго улуса // *Антропологический журнал*, №1, Москва, 1935.

Эрднеев У.Э. Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985.

Bergmans V. *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in Jahren 1802 und 1803*. Riga, 1804. [цитировано по Мечников, 1876].

Deniker, J. *Étude sur les kalmouks*. 1 suite (1883), 2 suite (1884), Fin (??) // *Ommuck из Revue d'Antropologie*. 1939.

Deniker, M. *Sur les kalmouks du Jardin d'acclimatation* // *Extrait des Bulletins de la Société d'Antropologie. Séance du 1er. Paris. November 1883*.

Kollmann, J. *Kalmücken der Klein-Doerbeten Horde in Basel* // *Separat-Abdruck aus den Verhandlungen. Naturforschenden Gesellschaft in Basel. VII Theil. 3 Heft. Basel. H. Georg's Verlag*. 1884.

Kopernicki J. *The Kalmucks* // *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, Vol. 1 (1872), pp. 401-418*.

Liadov B. *Russia in Europe, under its Physical and Ethnographical Relations*. St. Petersburg, 1861. цитировано по Kopernicki, 1872.